

Министерство культуры Иркутской области
Иркутская областная детская библиотека
им. Марка Сергеева

Перо поэта. Марк Сергеев о Пушкине

*Материалы к литературному часу
для детей среднего и старшего школьного возраста*

Иркутск
2026

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Иркутской областной детской библиотеки им. Марка Сергеева

Составитель Е. А. Шульгина
Редактор С. А. Бурдинская
Ответственный за выпуск Я. Ю. Гавриш

Перо поэта. Марк Сергеев о Пушкине : материалы к литературному часу для детей среднего и старшего школьного возраста / составитель Е. А. Шульгина ; редактор С. А. Бурдинская. – Иркутск : Издание Иркутской областной детской библиотеки им. Марка Сергеева, 2026. – 24 с.

Исследование жизни и творчества А. С. Пушкина стало одной из главных тем в творчестве иркутского писателя Марка Давидовича Сергеева. Он посвятил поэту и его семье несколько документально-художественных книг, в числе которых: «Вся жизнь – один чудесный миг», «Жизнь и злоключения Абрама Петрова – арапа Петра Великого» и «Перо поэта». В этих книгах Марком Сергеевым собрана документальная информация о предках и семье Пушкина, его лицейских годах, а также о подлинном пере поэта, которое побывало в Иркутске. Материалы данного пособия, основанные на этих книгах, могут послужить основой для проведения мероприятий, посвященных жизни и творчеству А. С. Пушкина, для детей среднего и старшего школьного возраста.

Введение

Для многих поколений имя писателя, публициста, краеведа, переводчика, общественного деятеля Марка Давидовича Сергеева (Гантваргера) знаковое. Почётный гражданин Иркутска, председатель регионального отделения Фонда культуры всегда находился в центре событий. Теперь даже юбилейные даты Марка Сергеева (1926–1997) и города, что был назван им «Любимый Иркутск, середина земли», совпадают. (Иркутск основан в 1661 году)

В литературных пристрастиях М. Д. Сергеева счастливо и нерасторжимо соединилось увлечение тремя темами: Сибирь, Пушкин, декабристы.

Возможно, интерес к Александру Сергеевичу Пушкину пробудился у Марка в детстве, когда он, ученик четвёртого класса, был ведущим в спектакле по сказке «О рыбаке и рыбке». Пройдёт много лет, и появятся стихи, документально-художественные книги о Пушкине: повесть-композиция «Вся жизнь – один чудесный миг» (1960), повесть «Жизнь и злоключения Абрама Петрова – арапа Петра Великого» (1970), исследование «Перо поэта» (1975). Любовь к А. С. Пушкину и его творчеству М. Д. Сергеев пронесёт через всю жизнь.

Книги его о Пушкине и декабристах в наше время стали библиографической редкостью, к сожалению, они не переиздаются. Данные материалы могут послужить основой для проведения литературного часа для школьников старших классов.

«Вся жизнь – один чудесный миг»

Первая книга о Пушкине М. Д. Сергеева – «Вся жизнь – один чудесный миг» (1960). Она вышла в Москве в издательстве «Молодая гвардия» в серии «Пионер – значит первый». Предназначена для всех, кому интересны жизнь и творчество великого поэта. Книга адресована юношеству. Это рассказ об Александре Пушкине, его друзьях, детстве, юности, лицейских и зрелых годах поэта. Книга соткана из документов: писем, воспоминаний, страниц дневников, но создаётся впечатление, что их написал Марк Сергеев – так он живёт

тем временем, так сопереживает, погружая и читателя в мир жизни поэта – далёкий, прекрасный и горестный.

Структура книги необычна. В неё вошли материалы нескольких блоков.

Первый, наиболее обширный, – это свидетельства современников поэта, зафиксированные в их воспоминаниях, дневниках, переписке. Сюда относятся записи о жизни и творчества Пушкина, сделанные его первыми значительными биографами – Павлом Васильевичем Анненковым, Петром Ивановичем Бартеневым. Здесь же тексты официальных документов, относящихся к разным периодам жизни Пушкина: его службе, ссылке и т. д.

Второй блок составляют собственно пушкинские тексты: стихи, отрывки из писем, дневниковые записи, очерковая проза.

Третий включает высказывания о творчестве Пушкина писателей и критиков XIX и XX веков (Достоевского, Брюсова, Благого и др.). Сюда также входят сообщения от составителя книги Марка Сергеева: необходимые пояснения, факты, хроника жизни поэта.

Все эти материалы перемежаются друг с другом и расположены таким образом, чтобы читатель мог представить жизнь поэта от его рождения до гибели.

«Мой жребий пал, я лиру избираю...» – название первой части, посвящённой детским и юношеским годам А. С. Пушкина (1799–1820).

«Я жертва клеветы и мстительных невежд...» – название второй части, охватывающей период ссылок поэта: южная (1820–1824) и Михайловское (1824–1826).

«Как беззаконная комета, в кругу расчисленном светил...» – эта глава о последних вдохновенных и трагических годах Пушкина.

Марк Сергеев стремился пробудить у читателей интерес к документальной Пушкиниане. Автор сознательно отбирал материал так, чтобы осветить только ключевые события жизни Пушкина, создавая из этих фрагментов цельное повествование.

Во вступлении к книге Марк Сергеев писал: «...Жизнь Пушкина коротка и бесконечна. Едва раздвинулись стены лица и мир предстал перед ним, полный надежд и тревог, как стены

содвинулись снова – ссылка, ещё одна ссылка, несколько лет столичного коловращения и выстрел на Чёрной речке, выстрел, пуля которого всё ещё летит, пронзая наши сердца.

И всё же так много вместились в эту недолгую жизнь, осенённую высоким крылом поэзии, что вся она похожа на один прекрасный миг, а каждый миг её – на целую жизнь. Пушкин и общество, Пушкин и литература, Пушкин и декабристы, Пушкин и друзья, Пушкин и царь, Пушкин и любовь... Об этом написаны романы и повести, сотни томов интереснейших страстных исследований и стихи – их не меньше, чем создал сам поэт.

Но ещё многие и многие поколения с восхищённым удивлением будут смотреть на гигантскую фигуру человека, стоящего у истоков русской реалистической литературы, впитавшего всё самое лучшее из словотворчества народа, переплавившего в огне души опыт современников и предшественников, чтобы явить миру первым из российских талантов «чистейшей красоты чистейший образец»¹.

Но сколько бы книг Марк Сергеев ни посвятил Пушкину, главный источник у них один: творчество поэта, его письма и письма к нему, драгоценные факты его биографии, оставленные нам в воспоминаниях современников.

Марк Сергеев подчёркивал, что его произведение – «книга-разговор». «...Собеседников от нас отделяет почти два столетия, они как бы сидят друг против друга, разделённые незримой, но беспощадной чертой.

С одной стороны, преданный Иван Пущин и лирическая Анна Керн, добродушный ленивый Дельвиг и восторженно-ворчливый Жуковский, с другой – пустой и развращённый Дантес, самовлюбленный царь, шеф жандармов Бенкендорф и его тайные агенты.

Когда все вдруг замолкают... звучит голос Пушкина – его стихи, его мысли, его нежность и гнев, его прямодушие и взрывчатый темперамент».

¹ Вся жизнь – один чудесный миг. Пушкин : композиция / Марк Давидович Сергеев ; художник Андрей Кириллович Голицын. – Москва : Молодая гвардия, 1969. – С. 4.

Блажен, кто понял голос строгой
Необходимости земной,
Кто в жизни шёл большой дорогой,
Большой дорогой столбовой, –
Кто цель имел и к ней стремился,
Кто знал, зачем он в свет явился...

А. С. Пушкин

Марк Сергеев в своей книге знакомит нас с ценными свидетельствами очевидцев эпохи. Среди них – воспоминания литературного критика Павла Васильевича Анненкова (1813–1887) о матери Пушкина: «Надежда Осиповна, мать поэта, была балованное дитя, окружённое с малолетства угодливостью, потворством и лестью окружающих, что сообщило нраву молодой красивой креолки, как её потом называли в свете, тот оттенок вспльчивости, упорства и капризного властолюбия, который замечали в ней позднее и принимали за твёрдость характера»².

Лев Николаевич Павлищев, племянник А. С. Пушкина, сын старшей сестры Ольги так писал о своей бабушке и матери А. С. Пушкина: «Никогда не выходя из себя, не возвышая голоса, Надежда Осиповна умела дуться по дням, месяцам и даже годам. Так, рассердясь за что-то на Александра Сергеевича, которому в детстве доставалось от неё гораздо больше, чем другим детям, она играла с ним в молчанку круглый год, проживая с ним под одною кровлею; оттого дети, предпочитая взбалмошные выходки и остратки Сергея Львовича игре в молчанку Надежды Осиповны, боялись её несравненно более, чем отца.

Не могу не упомянуть, кстати, со слов моей матери о наказаниях, придуманных Надеждой Осиповной для Александра Сергеевича, чтоб отучить его в детстве от двух привычек: тереть свои ладони одна о другую и терять носовые платки; для искоренения первой из этих привычек она завязывала ему руки назад на целый

² Вся жизнь – один чудесный миг. Пушкин : композиция / Марк Давидович Сергеев ; художник Андрей Кириллович Голицын. – Москва : Молодая гвардия, 1969. – С. 17.

день, поморив голодом; для искоренения же второй – прибегала к следующему. «Жалую тебя моим бессменным адъютантом», – сказала она Пушкину, подавая ему курточку. На курточке красовался пришитый в виде аксельбанта носовой платок. Аксельбанты менялись в неделю два раза; при аксельбантах она заставляла его и к гостям выходить»³.

Марк Сергеев приводит в книге воспоминания сестры Пушкина Ольги о том, каким он был в раннем детстве: «...До шестилетнего возраста Александр Сергеевич не обнаруживал ничего особенного; напротив, своею неповоротливостью, происходившею от тучности тела, и всегдашнею молчаливостью приводил иногда мать в отчаяние. Она почти насильно водила его гулять и заставляла бегать, отчего он охотнее оставался с бабушкой Марьей Алексеевной, залезал в её корзину и смотрел, как она занимается рукодельем. Однажды, гуляя с матерью, он отстал и уселся посреди улицы; заметив, что одна дама смотрит на него в окошко и смеётся, он привстал, говоря: «Ну, нечего скалить зубы»⁴.

Конечно, Марк Сергеев не мог в своей книге обойти вниманием воспоминания о бабушке поэта Марье Алексеевне Ганнибал. «Марья Алексеевна была ума светлого и по своему времени образованного: говорила и писала прекрасным русским языком, которым так восхищался друг Александра Сергеевича барон Дельви́г»⁵.

И, конечно же, Марк Сергеев приводит высказывания В. П. Анненкова о знаменитой няне Пушкина – Арине Родионовне: «...Приставленная сперва к сестре поэта, потом к нему и, наконец, к брату его, Родионовна вынянчила всё новое поколение этой семьи. В каких трогательных отношениях с нею находился второй из её питомцев, прославивший её имя на Руси, – известно всякому.

³ Вся жизнь – один чудесный миг. Пушкин : композиция / Марк Давидович Сергеев ; художник Андрей Кириллович Голицын. – Москва : Молодая гвардия, 1969. – С. 13.

⁴ Вся жизнь – один чудесный миг. Пушкин : композиция / Марк Давидович Сергеев ; художник Андрей Кириллович Голицын. – Москва : Молодая гвардия, 1969. – С. 17.

⁵ Вся жизнь – один чудесный миг. Пушкин : композиция / Марк Давидович Сергеев ; художник Андрей Кириллович Голицын. – Москва : Молодая гвардия, 1969. – С. 14.

Родионовна принадлежала к типическим и благороднейшим лицам русского мира. Соединение добродушия и ворчливости, нежного расположения к молодости с притворной строгостью, – оставили в сердце Пушкина неизгладимое воспоминание. Он любил её родственною, неизменною любовью и, в годы возмужалости и славы, беседовал с нею по целым часам. Это объясняется ещё и другим важным достоинством Арины Родионовны: весь сказочный русский мир был ей известен как нельзя короче, и передавала она его чрезвычайно оригинально. Поговорки, пословицы, присказки не сходили у неё с языка. Большую часть народных былин и песен, которых Пушкин так много знал, слышал он от Арины Родионовны. Можно сказать с уверенностью, что он обязан няне первым знакомством с источниками народной поэзии».⁶

Марк Сергеев включил в сборник стихи Пушкина, посвящённые и бабушке, и няне. Вот отрывок из стихотворения няне:

В вечерней тишине
Являлась ты весёлою старушкой,
И надо мной сидела в шушуне,
В больших очках и с резвою гремушкой.
Ты, детскую качая колыбель,
Мой юный слух напевами пленила
И меж пелен оставила свирель,
Которую сама заворожила.

А. С. Пушкин

(Подготовленный школьник может прочитать стихи М. Д. Сергеева о няне Пушкина. См. Приложение.)

Марк Сергеев, конечно же, уделяет внимание лицейскому периоду Пушкина. Читатель узнаёт, что в планах родителей Пушкина было отдать его учиться в Иезуитский коллегиум в Петербурге, одно из привилегированных учебных заведений, где можно было получить хорошее образование. Обучение было рассчитано на шесть лет, преподавание велось в основном на

⁶ Вся жизнь – один чудесный миг. Пушкин : композиция / Марк Давидович Сергеев ; художник Андрей Кириллович Голицын. – Москва : Молодая гвардия, 1969. – С. 17-18.

французском и латинском языках. Цена в год определялась в 1000 рублей (жалование чиновника или офицера составляло 30–50 рублей). Но особенное обстоятельство – основание Императорского Царскосельского лицея (1811 г.) изменило их планы. Лицей был основан по указу императора Александра I и предназначался для подготовки образованных чиновников из дворянского сословия. Государство брало на себя все расходы на их содержание и обучение. Программа лицея приравнивалась к университетскому образованию, а выпускники получали гражданские чины XIV–IX классов. Лицей был закрытым учебным заведением: воспитанники не покидали его даже в летние каникулы (июль), а приезд родителей не приветствовался.

Вот как о первом лицейском дне вспоминает Иван Пущин, лицейский друг Пушкина: «1811 года в августе, числа решительно не помню, дед мой, адмирал Пущин, повёз меня и двоюродного брата Петра, тоже Пущина, к тогдашнему министру народного просвещения гр. А. К. Разумовскому... У меня разбежались глаза: кажется, я не был из застенчивого десятка, но тут как-то потерялся – глядел на всех и никого не видал. Вошёл какой-то чиновник с бумагой в руке и начал выкликать по фамилиям. Я слышу: Александр Пушкин – выступает живой мальчик, курчавый, быстроглазый, тоже несколько сконфуженный. По сходству ли фамилий или по чему другому, несознательно сближающему, только я его заметил с первого взгляда... При этом передвижении мы все несколько приободрились, начали ходить в ожидании представления министру и начала экзамена. Не припомню, кто, только чуть ли не В. Л. Пушкин (*Василий Львович, старший брат отца поэта Сергея Львовича – ред.*), привезший Александра, подозвал меня и познакомил с племянником. Я знал от него, что он живёт у дяди на Мойке недалеко от нас. Мы положили часто видеться... Настало наконец 19 октября, день, назначенный для открытия лицея. Этот день, памятный нам, первокурсным, не раз был воспет Пушкиным в незабвенных его для нас стихах»⁷.

⁷ Записки о Пушкине. Письма / И. И. Пущин ; автор вступительной статьи, составитель и комментарии М. П. Мироненко. – Москва : Художественная литература, 1988. – С. 4.

(Подготовленный школьник может прочитать стихи М. Сергеева «Иван Пущин». См. Приложение.)

«Перо поэта»

Марк Сергеев был всегда в творческом поиске, считал долгом писать и рассказывать об истории, о нерасторжимой связи времён, потому что «современности не обойтись без минувшего», потому что убеждён был поэт: страшны «беспамятливые поколения».

Марк Сергеев создал небольшое документальное повествование «Перо поэта» о том, как подлинное перо Пушкина, похищенное с его стола в 1837 году, через сто лет обнаружилось в Иркутске, а затем оказалось в Москве, в музее Пушкина.

Из квартиры убитого Пушкина было похищено два пера, которыми писал поэт. Одно из них попало в музей-квартиру Пушкина в Санкт-Петербурге, а о другом долгое время ничего не было известно. И только в 1932 году перо попадает в Москву... из Иркутска, где находилось тридцать три года.

Марк Сергеев провёл литературный поиск, который помог проследить путь пропавшей реликвии. Начинает своё повествование так: «Есть в Москве удивительный дом, в нём обновляется душа, ибо ничто не заставляет её так радоваться и страдать, как прикосновение к вечности... Это дом Пушкина, музей на улице Кропоткинской, хотя мне кажется, что это мудрая ловушка, побывав в её залах и коридорах, ты из любителя поэзии становишься её подданным, из человека, с детства влюблённого в пушкинскую музу, превращаешься в неистового собирателя всего, что осеяно короткой, но прекрасной жизнью русского гения...»

Работая над книгой «Вся жизнь – один чудесный миг» в доме Пушкина, Марк Давидович разговорился с сотрудником музея Ниной Сергеевной Нечаевой. Узнав, что он родом из Сибири, она предложила: «Раз уж вы живёте в Сибири и вас в одинаковой степени волнуют и Пушкин, и ваш таёжный край, так почему бы не заняться

вам пером поэта. Известно ли вам, что в Москве хранится подлинное перо Александра Сергеевича Пушкина, перо, которым писал он перед самой трагедией на Чёрной речке. И получено перо это из... Иркутска». С этого дня закружили-завертели Марка Сергеева тропы литературного исследователя.

Вот что он прочитал в статье о пере в «Летописях Государственного литературного музея»: «Со стороны бородки конец пера был весь расчеплён, как бы разгрызан или раздавлен. Перо пришито к листу обёрточной бумаги 1840-х годов, сложенному вдвое... чёрными нитками вдоль полулиста; нитки пропущены через оба полулиста и в двух местах сквозь стержень пера, связаны узлом над поверхностью бумаги, а концы ниток прикреплены к бумаге красной сургучной печатью с оттиском дворянского герба». Около оттиска печати рукой некоего Наркиза Ивановича Тарасенко-Отрешкова (1803–1873) чернилами написано: «Перо, взятое с письменного стола А. С. Пушкина 20 марта 1837 года». Иначе говоря, через месяц после гибели поэта!

Далее в статье было описано, от кого к кому переходило перо. Но как перо, переходя из рук в руки, добралось до Иркутска? Здесь был провал. Марк Сергеев загорелся азартом поиска необходимой информации.

Что было известно?

То, что некто Наркиз Иванович Тарасенко-Отрешков 20 марта 1837 года похитил – более деликатного слова не подберёшь – из квартиры убитого Пушкина два пера. Одно из них, попав в частные руки, продолжало оставаться в Петербурге, а затем, уже в советское время, попало в Ленинградский (ныне Санкт-Петербургский) музей Пушкина. Второе же, на обёртке которого господин Тарасенко-Отрешков оставил для потомков расписку в своём неблагоприятном поступке, накрепко пришитое к листу обёрточной бумаги, отправилось в дальний путь.

Марк Сергеев писал, что, возможно, этот человек и не считал свой поступок неблагоприятным, ведь в одно время даже стало чуть ли не признаком хорошего тона среди высшего света дарить друг другу черновики, письма, вещи убиенного поэта. Поэтому очень много пушкинских бумаг осело в разных странах мира, а в Париже даже в своё время был создан целый Онегинский музей.

Каким же образом такие ценные для отечественной истории документы «ушли в люди»? И кто такой этот Наркиз Иванович Тарасенко-Отрешков?

«...одни его считали серьёзным литератором, другие – учёным. Нахватавшись верхушек, изучив всего понемногу, он умел блеснуть новым словом, приписать себе чужую, где-то вычитанную гипотезу или безымянную статью в журнале...»⁸.

В пушкинские годы этот человек периодически появлялся в салонах и гостиных влиятельных особ. Как позже выяснилось, этот любезный господин был тайным агентом жандармского особого управления, пользовался благосклонностью самого графа А. Х. Бенкендорфа, начальника жандармерии, и даже получал от ведомства особые выплаты за доносы и «ценные» сведения.

После гибели Пушкина была создана опекунская комиссия, в которую вошёл Наркиз Иванович Тарасенко-Отрешков, а председателем комиссии был назначен Григорий Строганов – дядя Натальи Николаевны Гончаровой, вдовы А. С. Пушкина.

В своих исследованиях Марк Сергеев опирается только на документальные факты.

Дочь Пушкина Наталья Александровна в 1886 году говорила историку и литературоведу М. И. Семевскому: «Опекуном над нами назначили графа Григория Строганова, старика самолюбивого, который, однако, ни во что не входил, а представлял всем распоряжаться Отрешкову, который действовал весьма недобросовестно. Издание сочинений отца вышло небрежное, значительную часть библиотеки он расхитил и продал... Мою мать не хотел слушать и не позволял ей мешаться в дела опеки, и только когда мать вышла замуж за Ланского, ей удалось добиться удаления от опеки Отрешкова»⁹.

Марк Сергеев к сказанному добавляет, что вскоре этот человек был обвинён в краже автографов Пушкина.

⁸ Перо поэта : [Книга о Пушкине] / Марк Давидович Сергеев ; художник Анатолий Иванович Аносов. – Иркутск : Восточно-Сибирское книжное издательство, 1975. – С. 265.

⁹ Перо поэта : [Книга о Пушкине] / Марк Давидович Сергеев ; художник Анатолий Иванович Аносов. – Иркутск : Восточно-Сибирское книжное издательство, 1975. – С. 267.

Таков был первый незаконный владелец пушкинского пера, которым, возможно, была написана «Капитанская дочка» и стихи последней лицейской годовщины.

На том же листе бумаги, пониже пушкинского пера, сделана рукой Отрешкова надпись: «Его Высокоблагородию Ивану Тимофеевичу Калашникову».

Иван Калашников – иркутский литератор, в те годы уже осевший в Петербурге, его называли «сибирский Купер», так как в основе его произведений была сибирская тема¹⁰.

Иван Калашников умер в 1863 году. Известно, что семья писателя небрежно относилась к его архиву, пропали многие его письма и письма к нему. И перо тоже исчезло.

Марк Сергеев писал: «Тридцать шесть лет тайными, неизвестными нам путями путешествовало перо поэта. Передавалось ли из рук в руки, лежало ли в чьём-нибудь тайнике – кто знает?»

В 1899 году, когда российская Академия наук организовала большую выставку, посвящённую столетию со дня рождения русского гения, когда собирались по всей стране экспонаты и материалы для экспозиции, перо поэта появилось на свет с такой надписью: «Собственность Ник. Ив. Кирьякова из Феодосии». С пометкой: «Продаётся». Кто такой Николай Иванович Кирьяков? Было ли куплено перо сразу после выставки? Или после?

Итак, перо исчезло на 33 года и в 1932 поступило в Москву в музей каторги и ссылки из... Иркутска.

Марк Сергеев писал, что в материале М. Беляева было сказано, что последним владельцем пера был иркутский актёр Николай Порфирьевич Немезидин, который умер в 1932 году и в завещании своём просил реликвию передать музею каторги и ссылки, волю покойного исполнил его давний друг Павел Владимирович Васильев. А уже в марте 1935 года перо было передано в Государственный литературный музей.

«Можете представить, с каким трепетом рассматривал я перо, хранившееся, может быть, не одно десятилетие в нашем городе.

¹⁰ Перо поэта : [Книга о Пушкине] / Марк Давидович Сергеев ; художник Анатолий Иванович Аносов. – Иркутск : Восточно-Сибирское книжное издательство, 1975. – С. 268-272.

Немезидин? Вряд ли это подлинная фамилия. Очень уж похоже на многозначительный псевдоним, на театральное имя из тех, что были так любимы старыми русскими актёрами».

Марку Сергееву предстояло расследовать спустя 36 лет после смерти человека, кем же он был, откуда взялся в Иркутске, как его настоящая фамилия и откуда же у него взялось перо Пушкина.

Марк Сергеев писал: «Литературовед, занимающийся поиском документов, воспоминаний, пытающийся установить факты биографии великого писателя, пусть и не самые значительные, но всё равно важные для потомков, литературовед, исследующий судьбу реликвий прошлого, напоминает мне пушкинского старика. Раз закинул невод, второй раз, двадцатый раз... А золотой рыбки нет как нет, и неизвестно – будет ли? Но человек надеется, что она непременно попадёт в сети, непременно...»

Собирая сведения об актёре Николае Порфирьевиче Немезидине, Марк Сергеев действовал как настоящий детектив. По крупицам – из строчек писем, коротеньких ответов и найденных фотографий, по объявлениям в газете, через звонки и работу в архивах восстановил его творческий путь и узнал настоящую фамилию (Хмыров). Как от Хмырова-Немезидина перо попало в московский музей, известно, но как оно оказалось у самого актёра, к сожалению, осталось тайной.

«Жизнь и злоключения Абрама Петрова – арапа Петра Великого»

«Жизнь и злоключения Абрама Петрова – арапа Петра Великого» Марка Сергеева – это документально-историческое повествование, основанное на подлинных материалах XVIII века: размышлениях, письмах, указах и судебных приговорах.

Конечно, у вас возникает вопрос, почему Марка Сергеева увлекла история этого человека? Потому что Абрам Петров, он же Абрам (Ибрагим) Ганнибал – прадед Пушкина, легендарный любимец и помощник Петра Первого. Один из его не самых лучших периодов жизни волею судьбы связан с Сибирью.

Для начала вспомним биографию прадеда Пушкина.

Он был незаурядной личностью, человеком, прошедшим интересный, непростой и яркий жизненный путь. Историки считают его самым известным африканцем в России. Значительная часть историков утверждает, что он родился в Абиссинии – в северных землях Эфиопии и был сыном знатного африканца (вероятно, местного князя).

Ибрагим (а именно так прадед Пушкина был назван при рождении) ещё в детстве со старшим братом был похищен турками и увезён в Константинополь. Темнокожих подростков заметили придворные султана, купили невольников и стали обучать их премудростям работы пажей (*мальчик-слуга при дворе знатного человека*).

Но в 1705 году в Константинополь приехал русский граф Савва Владиславич-Рагузинский, который выкупил мальчиков и привёз в Россию в качестве подарка Петру Великому. Это событие полностью изменило жизнь юного Ганнибала.

Пётр I во время своего европейского путешествия не раз наблюдал, как королям прислуживают смуглые пажи. Будучи ценителем всего европейского, Пётр I хотел, чтобы и у него был арапчонок, причём крайне важным аспектом было его образование. Мальчик не должен был оставаться диким, напротив, ему надлежало демонстрировать образованность и прекрасные манеры.

Арапчат, присланных ко двору Петра, крестили. Младшего из мальчиков назвали Абрам, старшего – Алексей. Кстати, фамилию Ганнибал знаменитый арап царя возьмёт чуть позже. Такой выбор был обусловлен восхищением по отношению к античному полководцу, имя которого Абрам решил соединить со своим собственным. Изначально фамилия была вполне простой – Петров (в честь крёстного отца – Петра Великого). Впоследствии она превратилась в отчество.

Абрам Ганнибал оказался крайне умным и сообразительным мальчиком. Он легко обучался придворным манерам, тонкостям общения и хитростям. Первое время он служил припорожником царя (находился около порога спальни для выполнения мелких поручений), а вскоре стал его камердинером (личный слуга) и секретарём. Известно, что государь поручал ему охранять секретные

документы и крайне важные карты, чертежи. Верный арап никогда не подводил Петра.

Вместе с государем Абрам Петрович отправился в путешествие по Европе в 1716 году. Там он остался обучаться инженерному мастерству, после чего был определён во французскую армию. К 1723 году, когда пришла пора возвращаться в Россию, Ганнибал уже имел звание капитана.

Он был одним из самых образованных людей своего времени. По приказу Петра Ганнибал обучал молодых офицеров математике и инженерной науке. Абрам Петрович прекрасно разбирался в истории, знал латынь и французский язык, был крайне начитанным человеком с блестящим воспитанием.

До самой смерти своего царственного покровителя Ганнибал верно служил ему. После кончины Петра I на престол взошла его супруга, Екатерина I, однако фактически вся власть находилась в руках Александра Меншикова. Но Меншиков недолго любил Ганнибала и с подозрением относился к его иностранному происхождению и образованию. Ганнибал был сослан в Сибирь в 1727 году. Сначала он отправился в Казань, затем в Тобольск и Иркутск, а затем в Селенгинск недалеко от монгольской границы.

Это была тяжёлая ссылка, Ганнибала отправили неожиданно, без нужных документов, денег, подорожных. Три года он строил крепость и руководил несколькими строительными проектами в качестве мастера-инженера фортификационных сооружений. В 1730 году был помилован.

Наказание Ганнибала было отменено Анной Иоанновной, племянницей Петра, что всегда с добротой относилась к арапу. Благодаря её покровительству Абрам Петрович продолжил военную службу – сначала в Тобольске, а затем в эстляндском городе Пернове. *(ныне Эстония. В ходе Северной войны (1700–1721) русские войска заняли эти территории, которые вошли в состав Российской империи до 1918 года – ред.)*. Здесь он продолжил свою преподавательскую деятельность в военных учебных заведениях и армии, а в 1731–1733 годы служил комендантом Перновского укрепрайона. С 1733 года Абрам Ганнибал ушёл в отставку, объясняя своё решение возникшими проблемами со здоровьем.

При императрице Елизавете Петровне, дочери Петра I, Абрам Петрович продолжил военную службу. Ему удалось дослужиться до высочайшего звания генерал-аншефа. Оставил службу он лишь в 66-летнем возрасте. Вместе с супругой он жил в деревне Суйда (*близ Гатчины под Санкт-Петербургом – ред.*). Считается, что именно поместье Ганнибала стало первым местом в России, где появились картофельные поля.

В 1781 году умерла Христина Шеберг, жена Ганнибала, а его самого не стало через два месяца после её кончины. Он был похоронен неподалёку от своего поместья, но, к сожалению, могила не сохранилась. Однако в доме, где Ганнибал провёл последние годы, действует музей, посвящённый этому необычному человеку. Один из сыновей Ганнибала в дальнейшем станет дедом Пушкина по материнской линии. Поэт напишет исторический роман «Арап Петра Великого» (незаконченный).

Эта история очень заинтересовала Марка Сергеева. Он решил исследовать весь сибирский путь прадеда Пушкина. Для этого ему пришлось не один год собирать материал, работая в архивах Ленинграда, Тобольска, Иркутска, Селенгинска, изучать летописи городов.

Вот как Марк Сергеев начинает свою повесть:

«Иркутск, Иркутск! Кто из россиян, оставивших след в истории страны, не связан так или иначе с твоей, распечатавшей четвёртый век, судьбой!

Первопроходцы, ведомые любознательностью и отчаянием, сенаторы, лишённые поместий и регалий, люди, награждённые за сомнительные заслуги рваными ноздрями и царскими грамотами, бунтари и отшельники, враждебные друг другу, но одинаково яростные и негибаемые, деятели науки и культуры, радеющие о благе народном и потому отлучённые царским повелением от Петербурга и Москвы и ещё трёх сотен стольных и губернских городов...

Вот и сейчас открою «Иркутскую летопись», по крупицам собранную местными пименами П. И. Пежемским и В. А. Кротовым, книгу, давным-давно ставшую тоже историей, открою ну хотя бы на странице тридцать восьмой и снова, как много лет назад, когда ещё в

довоенные годы книга эта попала мне в руки, удивлюсь, прочитав следующее:

«1728 год. В декабре прибыл в Иркутск поручик бомбардирской роты (пешая артиллерийская рота) Абрам Петров, командированный для постройки Селенгинской крепости...». Далее летопись сообщала коротко всё о Ганнибале, что мы вам рассказали выше.

Марк Сергеев писал: «...когда ещё мальчишкой впервые узнал, что в городе нашем, пусть коротко, жил прадед великого Пушкина, я был так взволнован, точно летописцы Пежемский и Кротов сделали мне лично дорогой подарок».

«Дорога, дорога... Белый снег. Чёрный человек. Луна за окном вписана в позолоченное серебро облаков. Старинный перстень блестит в небе. Ветер срывает с веток хлопья выпавшего с вечера снега. Комочки стучат, стучат в стекло. На столе моём книги, старинные журналы, пожелтевшие бумаги, карточки с переписанными на машинке письмами, прошениями, жалобами на судьбу человека, едущего сквозь такую же зиму, только два с половиной века назад. И мне кажется, я вижу его резкие выразительные черты, тёмный лик его на фоне ослепительного снега...»

(Подготовленный школьник может прочитать стихи М. Сергеева, посвящённые Ганнибалу. См. Приложение.)

Марк Сергеев писал: «После Парижа и Петербурга, после битв, походов, дворцовых интриг и любовных интрижек Ганнибалу в Селенгинске было неуютно и тоскливо. Здесь в те годы числились: дворян – три, детей боярских – четыре, пятидесятников, десятников и казаков – двести пятьдесят четыре. Времени было много, а работалось плохо».

Несмотря на нехватку средств, рабочих рук, крепость в Селенгинске была возведена, но никто не торопился возвращать верного слугу Петра I из ссылки в столицу, хотя враг его Александр Меншиков сам был отправлен в ссылку тою же дорогою. Сперва в Казань, оттуда в Тобольск, от Тобольска уже по северному тракту в захолустный город Берёзов. В Петербурге знать была занята интригами вокруг малолетнего царя Петра II, казалось, все забыли о существовании арапа.

Марк Сергеев приводит секретные подлинные протоколы Верховного тайного совета относительно пребывания арапа Петра Великого в Селенгинске, об изъятии у него всяческой переписки с друзьями. Благо письма были сохранены в архивах. Марк Сергеев цитирует подлинные письма прадеда Пушкина, в то время ещё Абрама Петрова, где он обращается к царствующему тогда юному царю Петру II и надеется, что друзья передадут письма. Вот отрывок из письма, конечно, для нас язык того времени немного непонятен и труден: «... я раб, Вашего Императорского Величества, живу без всякого дела, чему уже третий год и без всякого определения и умираю голодную смертью без вашего императорского жалованья. Оклада мне на месяц идёт по двадцати пяти рублей, да рация (денежная выплата) даётся на одиннадцать лошадей, и оного Вашего Императорского величества жалованья мне и на денщиков не дано...».

Марк Сергеев, опираясь на государственные документы XVIII века, личные письма героя повести и его окружения, представляет нам подлинную картину того времени, в котором жил, любил, ненавидел и трудился на благо своей новой родины – России прадед Пушкина.

Используя письма, воспоминания, архивные документы, Марк Сергеев в своей повести подтвердил или развенчал некоторые легенды или мифы о прадеде Пушкина. Например, миф о том, что он, владея крестьянами в эстонской деревне, был с ними жесток. Документы показали, что Ганнибал защищал интересы крестьян и открыто выступал в дворянском суде против произвола дворян-помещиков. В эпоху расцвета крепостничества это было явлением необычным, пожалуй, единственным в своём роде.

Вот таким получился у Марка Сергеева портрет одного из недюжинных людей восемнадцатого века, одного из деятелей России, который служил России, не боялся вступить в спор с сильными, защищая слабого.

В этом же сборнике есть стихи, которые Марк Сергеев посвятил не только самому Пушкину, но и его окружению.

Приложение

Стихи пушкинской тематики Марка Сергеева

Арина Родионовна

Михайловское, 1826

Поди-ко, барин, позабыл старуху?
Всё шли дожди, теперич стало сухо...
Грибочков насбирала во леске,
наливочку поставила из вишен,
а ты, Лександр, не виден и не слышен.
Скажи, не грех держать меня в тоске?
Гутарят: ты – с самим царём на битву!
Я тут одну припомнила молитву,
поклоны бью ни свет и ни заря.
Ты ж не Бова и не дурак-Ивашка.
Так непокойно на душе и тяжко.
Неужто впрямь на самого царя?
Оставил бы, Лександр, свою столицу,
Женился б, к нам красотку яснолицу –
сбежалось бы, я чаю, всё сельцо!
А я спешила б, старая, к дороге,
да только бы не подкосились ноги,
да сдуру б не свалилась на крыльцо.
Ты приезжай мои побаски слушать.
Как хорошо б по чарочке откушать,
и пряжу пряхь,
и сказки зоревать,
да вспоминать, как ты дитём упрямо
всё «мама» называл меня да «мама» ...
А я тебе и в самом деле – мать.
Тоска во мне кричит болотной выпью.
я баньку истоплю, да чарку выпью,
да Марью позову – поди-ко, дочь,
и пусть она в письме тебе пропишет,
что нянька-то твоя на ладан дышит.
Поверишь ли, не спится цельну ночь.

Ты приезжай. Аль позабыл старуху?
Всё шли дожди, теперич стало сухо,
грибочков насбирали во леске,
наливочку поставила из вишен,
а ты, Лександр, не виден и не слышен.
Скажи, не грех держать меня в тоске?

(«Жизнь и злоключения Абрама Петрова – арапа Петра
Великого»; «Зачем я ею очарован...», с. 190-191.)

Наталья Гончарова

Москва. Церковь у Никитских ворот,

1831

Девочка в фате. Глаза опущены.
Боже! До чего же молода!
– Вы согласны быть женою Пушкина?
И в ответ чуть слышимое: «Да...»

Так венчайте их скорей, священники,
так дрожи в лампадах чистый свет:
семь кругов – и всё коловращение –
красный снег... шинели... пистолет...

Разговор. Прощанье. Вечер памятный.
Дети неожиданно тихи.
И уже не муж её, а памятник
отпустил ей светские грехи.

Вот сейчас бы одеянья белые,
в церковь бы! в минувшие года! –
как она в глаза ему глядела бы,
как она б ему сказала: «Да!»

Век летит. Прекрасна, верноподдана,
На балу опомнится она,
и Ланскому будет богом отдана
пушкинская верная жена...

...Церковь у Никитских. Час венчания.
А в душе прозрение, как хмель:
семь кругов любви, беды, отчаянья,
семь неполных лет... Зима. Дуэль...

О прозренье, ты с души его спади,
заслони грядущие года!..

– Вы согласны быть супругом?

– Господи!

НУ, КОНЕЧНО! НУ, КОНЕЧНО, ДА!

(«Жизнь и злоключения Абрама Петрова – арапа Петра
Великого»; «Зачем я ею очарован...», с. 191.)

Ибрагим Ганнибал

Иркутск, январь, 1727 г.

Лежат снега белее облак,
белей лебяжьего пера.
И странен абиссинский облик
слуги Великого Петра.
Он – черномаз...
Мальчишек стая.
Торосы льда на берегу...
...Ах, жизнь, ты суета пустая,
как эти тени на снегу.
В нелепой прихоти толкуются
дома, слепые, как напасть...
От Петербурга до Иркутска
отныне – Меншикова власть.
Ох, тяжко, непомерно тяжко
в тюрьме без стен и без замка:
хитёр каналья Алексашка,
и тяжела его рука.
Вот за Урал заслал, за Камень,
в Тьмутаракань, в Сибирь, в тайгу:
мол, покомандуй казаками,

мол, обживи-ка Селенгу.
Ни денег не дал мне, ни власти,
ни тех бумаг, что надлежит:
Петров слуга теперь не в масти –
от распрей русский трон дрожит.
Уж кое-кто нагреет руки,
я зрю из сих студёных мест,
как рвётся к власти Долгорукий, –
он съест тебя, светлейший. Съест!
А я готов уже к побегу,
ведь ссылка всё же, не тюрьма...
Да ныне что-то много снегу
и больно холодна зима,
и у пурги круты замашки –
с ней посложнее, чем с людьми...
Ему, прохвосту Алексашке,
и вьюга служит, чёрт возьми!
Ах, Пётр, умел рубить ты шведа,
а власть оставил не врагу?
Нет, всё равно сбегу отседа.
Весна нагрянет – и сбегу.

(«Каждый день начинать себя снова», с. 324-

325.)

Иван Пущин

Дорога в Михайловское, 1825

Ажурны утренние пуши
у кромки пушкинских пенат...
Летит в Михайловское Пущин –
звонят бубенчики, звонят.
Ямщик всё понукает рыжих,
их обдал инеем мороз,
и снег высверкивает, брызжет
с летящих наискось берёз.
И сколько света в одночасье,
и так погода весела,

как будто бы и впрямь вошла
звезда пленительного счастья.
Не поддавайся на обман:
в природе – рай,
но друг лицейский
прицельным взглядом полицейским
прибит здесь напрочно, Иван.

Как мысли спутаны и странны,
как напряжен, раздумчив взгляд.
Деревьев белые фонтаны,
увы, его не веселят.
Одна им дума овладела,
звенит встревоженный сверчок:
«Сказать ли Пушкину про «дело»
или по-прежнему: молчок?»
Сказать!..
А в чём, на самом деле,
меня собратья обвинят?
Не Саши ль Пушкина нозли,
как прокламации, звенят?
И не его ли вдохновенье,
пером водящее в тиши,
и огонь рождает, и волнение,
и горечь в глубине души?
И не предательство ли это, –
не распахнуть пред ним дверей,
держат бунтарского поэта
так далеко от бунтарей?

Но тут представился Ивану
другой, продутый ветром лес.
Его друзья в одеждах странных
и стук копыт, и звон желез,
и свист бича,
и боль,
и стоны,

ветвей таёжных невода,
и над темницею студёной
ночная стылая звезда.
И лай собак в глуши – острожной,
и кандалы – тяжеле гирь;
коль бунт готовишь – всё возможно:
победа, крепость иль Сибирь.

...Ажурны утренние пуши
у кромки пушкинских пенат...
Летит в Михайловское Пушин –
звонят бубенчики, звонят.
Метнулся заяц на опушке:
– Ого-го-го! Ату, косою!
И на крыльце на снежном –
Пушкин,
счастливый,
заспанный,
босой!
И, захватив его в охапку, –
через порог, через межу!..

Снял гость искрящуюся шапку
и разом понял:
«Не скажу!»

(«Жизнь и злоключения Абрама Петрова – арапа
Петра Великого»; «Зачем я ею очарован...», с. 187–189.)

Список используемой литературы

1. Сергеев, М. Д. Вся жизнь – один чудесный миг. Пушкин : композиция / Марк Давидович Сергеев ; художник Андрей Кириллович Голицын. – Москва : Молодая гвардия, 1969. – 269 с. : ил. – (Пионер – значит первый).
2. Сергеев, М. Д. Жизнь и злоключения Абрама Петрова – арапа Петра Великого; «Зачем я ею очарован...» / Марк Давидович

- Сергеев. – Иркутск : Восточно-Сибирское книжное издательство, 1989. – 256 с.
3. Пущин И. И. Записки о Пушкине; Письма / И. И. Пущин ; авт. вступ. ст., сост. и коммент. М. П. Мироненко ; авт. вступ. ст., сост. и коммен. С. В. Мироненко. - М. : Художественная литература, 1988. - 558, [2] с. : [8]л.ил. - (Лит. мемуары).
 4. Сергеев, М. Д. Каждый день начинать себя снова : стихи / Марк Давидович Сергеев ; художник Анатолий Иванович Аносов. – Иркутск : Сибирь; Письмена, 1996. – 480 с. : портр.
 5. Сергеев, М. Д. Перо поэта : [Книга о Пушкине] / Марк Давидович Сергеев ; художник Анатолий Иванович Аносов. – Иркутск : Восточно-Сибирское книжное издательство, 1975. – 288 с. : ил.

Перо поэта. Марк Сергеев о Пушкине:
материалы к литературному часу для детей
среднего и старшего школьного возраста

Составитель *Е. А. Шульгина*

Редактор *С. А. Бурдинская*

Компьютерная вёрстка *К. О. Герасимчук*